

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

ИГРЫ РАЗУМА

«Про этот мир вообще никто
ничего по-настоящему не
понимает...»

«Generation П»

Редкий автор вызывал такой раскол мнений: критики ругают, читатели читают, писатели завидуют. Пелевин — это парадокс: презирая массовую культуру, он является одним из самых издаваемых писателей, критикуя интеллектуальные моды, приобрел массу фанатов, разоблачая современные мифы, создал новую мифологию.

Он стал символом нашей противоречивой эпохи, которая пытается совместить несовместимое, смешать высокое и низкое, сочетать массовость и элитарность, соединить духовность с маркетингом.

*Все, что мы знаем о мире —
это рассказанная кем-то история.*

В его книгах классическая литература уживается с философскими и религиозными трактатами. Там тесно переплетены легенды, мифы и предания самых разных народов: кельтские, германские и скандинавские; китайские волшебные сказки и нумерология, буддизм и даосизм, шаманизм и инициации, йогические техники и экстатические практики, оборотни и вампиры, шумерская мифология и русские народные сказки.

Чтение его книг превращается в разгадывание кроссворда и возникает эффект узнавания и припоминания, как будто это – старая и хорошо знакомая история, рассказанная по-новому.

Эта игра доставляет настоящее эстетическое и интеллектуальное удовольствие.

Амандина Ван Рей

Для Пелевина свобода — это прежде всего свобода сознания от потребительской, коммунальной установки.

В его эссе вдруг проступает ностальгия по тихому, некоммерческому и трансцендентно-самоуглубленному бытию советских интеллигентов 70-80-х годов, по эпохе «дворников и сторожей», занятых «игрой в бисер» и метафизическими странствиями.

«Совок — вовсе не советский или постсоветский феномен. Это попросту человек, который не принимает борьбу за деньги или социальный статус как цель жизни.»

У Пелевина богатая фантазия, развитое воображение, художественный вкус, свой стиль.

Он умудряется найти новый ракурс, свежий взгляд, оригинальный подход. Он постоянно удивляет и изумляет, а иногда поражает и шокирует.

Легкость языка сочетается у него со сложными философскими построениями. Нас завораживает игра интеллекта и воображения.

«У величайших книг мало читателей, потому что их чтение требует усилия. Но именно из-за этого усилия и рождается эстетический эффект. Литературный фаст-фуд никогда не подарит тебе ничего подобного».

Книги Пелевина – это искрометный фейерверк слов и образов, символов и метафор, идей и концепций. В них религии и философии смешиваются со снами и галлюцинациями. Мифы разоблачаются, вновь создаются и снова разоблачаются прямо в процессе чтения. Нас увлекает вроде бы очевидность происходящего и тут же мы попадаем в расставленные интеллектуальные ловушки.

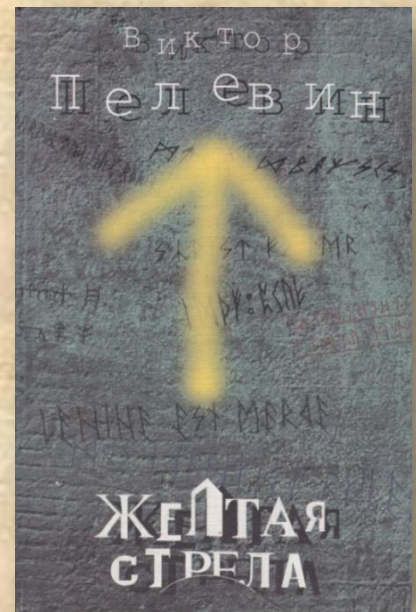
Стиль Пелевина — смешение литературных стилей и форм, стилизация и пародирование, коллаж и лубок, калейдоскоп и пазл, сборник афоризмов и анекдотов, тонкая ирония и почти откровенный стёб.

В одном тексте можно обнаружить все литературные жанры: фантастику, мистику, детектив, боевик, наркороман и даже киберпанк.

С точки зрения формы он вполне академичен, с точки зрения содержания, выступает как жесткий моралист, проповедник духовности и противник потребительской жизненной установки.

«Современные философы — это подобие международной банды цыган-конокрадов, которые при любой возможности с гиканьем угоняют в темноту последние остатки простоты и здравого смысла».

Его высокохудожественная интеллектуальная проза адресуется к молодой аудитории, культурным развитием которой сегодня столь многие озабочены. Мироощущение современной молодежной субкультуры он сумел перенести в полноценный культурный контекст и выразить нормальным русским языком.

Герой Пелевина – это обычный средний человек, обыватель, простой, искренний, честный, доверчивый. Его внутренний мир уютный, чистый, светлый. Он изначально доброжелателен и наивен. Эту сторону личности А. П. Чехов рекомендовал скрывать от других людей и не показывать своё истинное лицо.

В сложных ситуациях герои Пелевина находят три возможных выхода:

- первый путь – плыть по течению, безропотно и даже бездумно подчиняться системе, как делает большинство: *«В наше время люди узнают о том, что они думают, по телевизору»* ;
- второй путь – бунт против системы, но как выясняется, система предусмотрела его возможность, и часто восстание превращается в фарс;
- третий возможный путь для героя – просто игнорировать систему, оставаясь самим собой. Создавать свой собственный внутренний мир, занимаясь поисками Бога или некоей высшей силы, которая придаст смысл жизни...

Пелевинские тексты находятся на грани между классической и современной, академической и популярной, элитарной и массовой культурами. Можно сказать, что Пелевин строит мост между культурным наследием, классической традицией и молодежной субкультурой.

Основные темы книг Пелевина — это присутствие героя в "плохой реальности", его самопознание в сложной ситуации, существование личности в эпоху исторических катаклизмов, самоопределение человека в страшной окружающей действительности. Это проблемы личного выбора и социальной ответственности, художественного творчества и духовных поисков, страха смерти и надежды на спасение.

Пелевин создает такой мир, где маски, марионетки, куклы формируют совершенно фантасмагорическое время-пространство.

«Что это такое — постмодернизм? Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла».

Герой Пелевина утратил все ценности, заблудился в истории и потерялся в пустыне смыслов современной цивилизации.

«Жизнь – это узкая полоска между огнем страдания и призраком кайфа, где бежит, забывая от ужаса, так называемый свободный человек. И весь этот коридор – только у него в голове».

Часто герои его книг даже не люди, это могут быть насекомые и животные, оборотни, вампиры. Таким автор изображает человека после истории, вне нравственности, запутавшегося в собственных образах, исчезающего в пустоте. Сущность человека ускользает от него самого, человеческая природа мутирует и деградирует. Человек забывает, теряет себя, растворяется в своих отражениях и ролях.

«Не забивайте себе голову тем, что не имеет отношения к настоящему. В будущее надо ещё суметь попасть».

«Главный мотор большинства сочинений Пелевина — тоска и омерзение; а уж в этих ощущениях он идеально совпадает с читателем. Этими омерзением и тоской, загнанными, правда, глубоко в подтекст, достигается та великолепная точность, которая позволяет Пелевину не только смешно и лаконично описывать наше настоящее, но и почти всегда предугадывать будущее.

Уже в ранних своих эссе Пелевин высказал абсолютно точную мысль о том, что бульдозер, разгребая почву вокруг себя, рано или поздно проваливается в слой подпочвенный, древний. Так, по догадке нашего автора, поступила советская власть, уничтожая христианскую культуру и провалившись в дохристианскую, ритуальную, магическую. Кто отказывается соблюдать сложные ритуалы — обречен соблюдать простые. Поверка советской действительности магическими практиками — затея нехитрая, но чрезвычайно своевременная — принесла блестящие результаты. На этом приеме был построен весь первый сборник рассказов Пелевина «Синий фонарь».»

Д. Быков

В советские времена диагноз «вялотекущая шизофрения» ставили всем, кто был неуютен власти. Тогда же появилось утверждение, что шизофрения есть у каждого, просто проявляется она в разной степени. Это так, если называть «шизофренией» любое отклонение от нормы. Люди с фантазией уже не вполне нормальные.

Пелевин органично и предельно точно показывает параллельные реальности внутреннего мира человека, расщепление личности. Роман «Чапаев и Пустота» как раз о том, что понимает, подсознательно ощущает и переживает во снах большинство людей. Только это знание подавляется, потому что «отклонение от нормы — плохо», потому что «нужно быть нормальным».

Автор описывает то, что мы скрываем от всех, обнажает самые тайные углы нашего внутреннего мира.

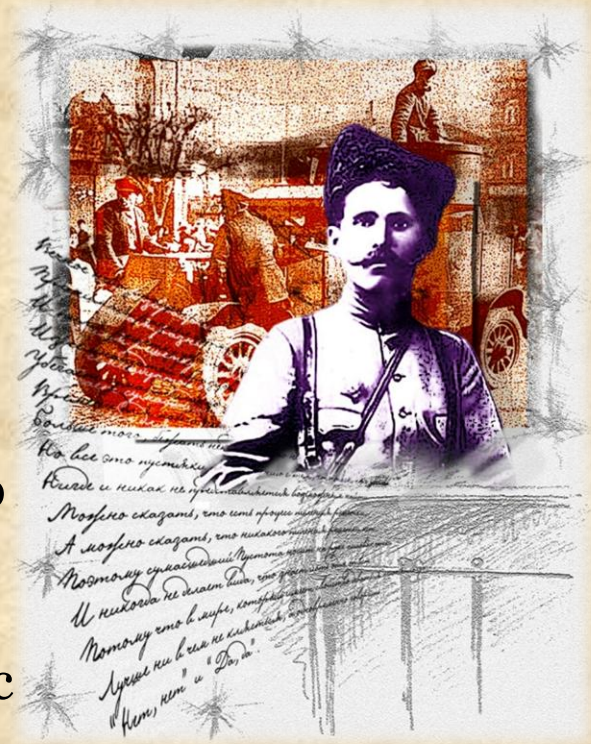
Пелевин разрушил дихотомию одухотворенного культурного наследия и бездуховной современной культуры.

Что мы увидим, если приложим к роману «Чапаев и Пустота» шаблон классического русского литературоведения, где писатель рассматривается прежде всего как воспитатель и духовный наставник? Что это — классическое по духу произведение.

Произведение, в котором затронуты те же самые болевые точки, что и в классической русской литературе, и решаются те же самые задачи.

*«Вера, которую не разделяет никто,
называется шизофренией.»*

В качестве своего культурного контекста это произведение использует важнейшие пласты русского литературного наследия XX века, — литературу «серебряного века», литературу соцреализма, полуподпольную интеллигентскую прозу 70-х годов (Венедикт Ерофеев, Мамлеев, Битов и т.д.), — и в каждом случае наводится мостик с современностью, с сегодняшним днем, с молодежной субкультурой.

Успех пришел к Пелевину, как к автору настоящей, высокой литературы. Больше того, он вернул интерес к литературе и чтению тем, кто в них разочаровался и давно променял на музыку и видео.

«Реальность — это пластилин с изюмом. Человек давит пальцами на возникающую перед ним пластилиновую картинку под названием «мир», чтобы выковырять для себя несколько вкусных крошек, а на этой картине рушатся башни, тонут корабли, гибнут империи и цивилизации. Но это, как правило, видят уже другие.»

Литературный путь Пелевина чем-то похож на путь Гоголя и Чехова. Они, как и Пелевин, тоже начинали с произведений легких, юмористических, — а в какой-то момент из этого вдруг родилось нечто крупное и серьезное. У Гоголя — его «Мертвые души», у Чехова — великие пьесы. С Пелевиным произошла примерно такая же метаморфоза: «Жизнь насекомых», «Чапаев и Пустота», «Желтая стрела» — это его «Мертвые души», его «Вишневый сад», его «Чайка».

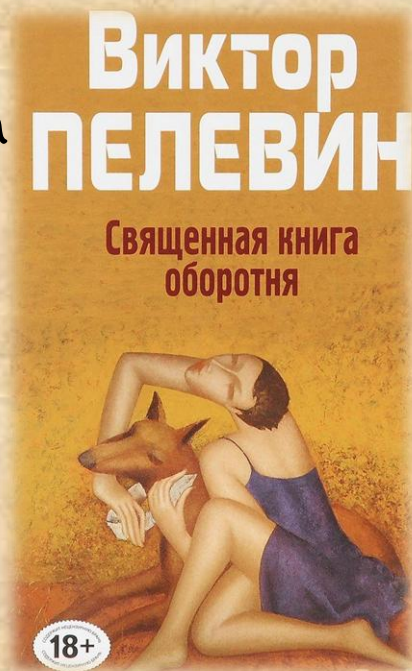
Главная тема пелевинского творчества — самопознание героя в ситуации «плохой реальности», когда вокруг — социальные бури и катаклизмы или засилье сонных, мертвых душ.

Основную этическую идею пелевинских текстов безуспешно пытались донести до своих современников еще Толстой с Достоевским.

Если выразить его проповедь в классических категориях, то все проблемы современного человека он видит в недостаточном развитии суверенного духовного начала, в неумении жить собственной жизнью, а не жизнью одержимой потреблением коммунальной зверушки.

«Мы носим в себе источник всего, что только может быть, а будет ли — зависит от нас, от того, как мы распорядимся этим источником.»

Неизбежным итогом становятся аморфность и конформизм, ведь человек, без внутренней опоры в себе самом, выбирает в качестве цели жизненных устремлений первый попавшийся «идеал благополучия»: потребление, накопление, карьеру, или просто купание в грязной луже.

«О чем вся великая русская классика? Об абсолютной невыносимости российской жизни в любом ее аспекте.»

Классика нужна не для того, чтобы знать, о чем думали Пушкин, Шекспир или Достоевский по тому или иному вопросу, а для того, чтобы ставить собственные вопросы и решать собственные экзистенциальные проблемы.

«Назначение классики — быть инструментом самопознания.»

Но «связь времен распалась», теперь оживить и связать воедино фрагменты национальной традиции смогут только те произведения, которые ставят и решают нравственные проблемы в их современном выражении, в понятной для нас форме, — и при этом еще и наводят мостик к классике.

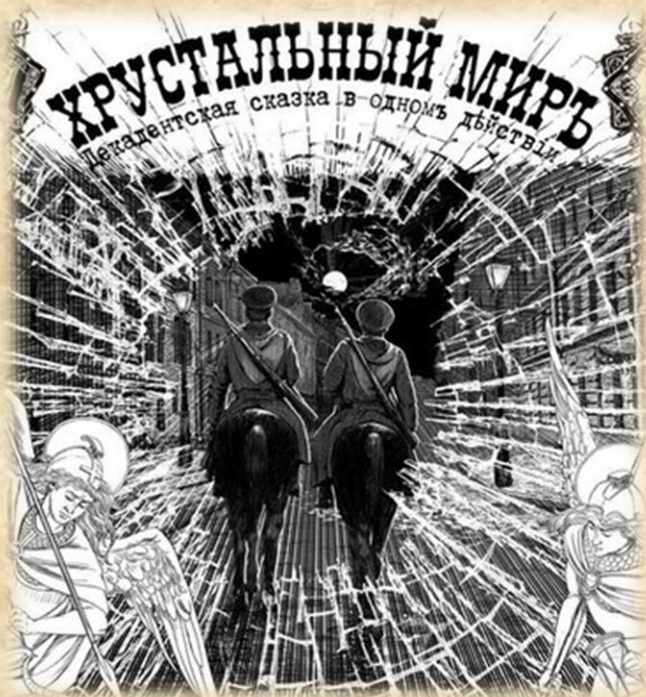
Не случайно, что в качестве противоядия современности Пелевин использует как фон эпоху «серебряного века», последнее яркое и самобытное явление русской культуры.

Художник Ирина Бируля

«Серебряный век» — это единственная эпоха русской культуры, когда условия культурной среды способствовали развитию самобытной личности, а не подавляли и расчленяли ее. Русская культура тогда превратилась в восхитительный бред, в сумбурную коллективную галлюцинацию полусумасшедших творческих одиночек.

Литературной нормой тогда были интеллектуальные эксперименты, неангажированный духовный поиск, свободная творческая игра, а не ворох сентиментальных эмоций, окрашенных в патриотические или либеральные тона.

Мы не привыкли к интеллектуальной литературе. И русская классика, и соцреализм XX века — это не тип интеллектуального текста. Не будем путать интеллектуальность текста с «богатством мысли», — книга может быть сколь угодно богата мыслью и содержательна, но при этом не быть интеллектуально насыщенной на уровне текста.

Язык интеллектуального текста требует дешифровки, он насыщен намеками, аллюзиями, символическими отсылками, двусмысленностями и парадоксами.

Текст «Чапаева и Пустоты» нельзя просто так пробежать глазами, без остановки и дешифровки, без обращения к культурному контексту начала века, — здесь нужно ожидать подвоха, двойного смысла в каждой фразе.

Такая литература — «взлет свободной мысли». Весь остальной мир проникает в сознание читателя именно через эту игру, преображенный и освобожденный от наслоений духовной плесени.

Пелевин — один из самых грустных и точных летописцев нашей эпохи, и вдобавок прямой наследник все той же русской традиции — кто-то называет ее «реалистической», кто-то — «высокодуховной»...

«Когда человек ищет, чем подтвердить свои параноидальные идеи, он всегда находит.»

«Истину бесполезно искать в прошлом... Ее нет в будущем... Ее нет даже в настоящем... Но это не значит, что ее трудно найти. Можно сказать, что все в нашем мире скрыто во мраке и таится в неясности – и лишь одна истина являет себя свободно и открыто... Но есть ли в нас тот, кто способен ее увидеть?»»

В своей фантазии Пелевин выстраивает иллюзорный, за рамками привычного, мир, в котором угадываются реальные черты мира настоящего и пугающего возможного будущего. Как тут не вспомнить реалистичный, выверенно-точный стиль Антона Павловича, «предсказавшего» в свое время борьбу с инакомыслящими в «Палате № 6»?

«Нам повезло жить в эпоху полного тотального изумительного цинизма.»»

«Информационная война – это наша повседневная реальность. Информационно-психологические войны ведутся с незапамятных времен.

Мы научились не замечать их, как не замечаем воздуха, которым дышим, как не обращаем внимания на фоновые шумы города.

Появление новых средств коммуникации значительно усилило эффективность и поражающую мощь информационно-психологического оружия.

Любой из нас в любой момент может оказаться объектом и жертвой пропаганды.

Суть информационной войны предельно проста и выражается знаменитой социологической теоремой Томаса:

«Если люди определяют ситуации, как реальные, то они реальны по своим последствиям».

Чтобы спровоцировать нужное поведение и настроение людей, надо создать реальность, которая будет казаться людям истинной, даже если она противоречит действительности.

Подобную масштабную реальность для масс людей и фабрикуют средства массовой информации с помощью приемов, находящихся вне сферы морали и ценностей.»

Валерий Соловей «Абсолютное оружие»

Сон разума рождает чудовищ во любые времена. Не об этом ли книги Пелевина? Это уже не фантастика, а ничем не приукрашенный срез «реальности» во всей ее иллюзорности и пустоте.

«Человек привык видеть дьявола везде, кроме зеркала и телевизора».

В сознании зависимого от телевидения, компьютера и соцсетей массового, усредненного человека традиционные ценности постепенно отмирают и замещаются псевдоидеалами.

«Всегда рекламируются не вещи, а простое человеческое счастье».

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВИКТОР ПЕЛЕВИН

Generation «П». Повести. Рассказы

«Люди постоянно гонятся за видениями, которые возникают у них в голове. Но по какой-то причине они гонятся за ними не внутри головы, где эти видения возникают, а по реальному физическому миру, на который видения накладываются».

А потом, когда видения рассеиваются, человек останавливается и говорит — ой, мама, а что это было? Где я и почему я и как теперь? И такое регулярно происходит не только с отдельными людьми, но и с целыми цивилизациями.»

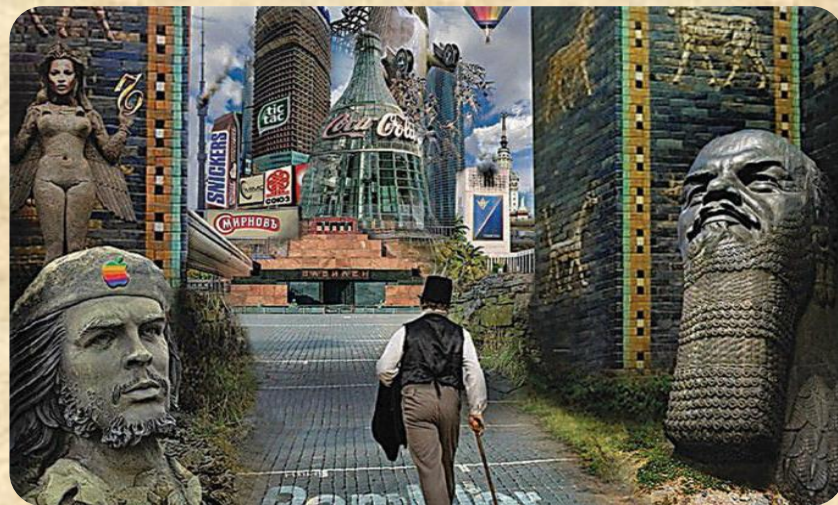
Но общество развивается, меняется его структура, ведущую роль начинают играть новые профессии. Подрастают новые поколения с большим уровнем интеллекта, другим мышлением и духовными потребностями.

Духовное единство нации нельзя воссоздать, просто сшивая вместе разнородные обрывки прошлого.

Мы живем в мультикультурном пространстве. Пелевин один из первых сделал шаг к новой культуре постиндустриальной, «виртуальной» России, — и этот его шаг очень гармонично вписался в русское литературное наследие.

«К счастью путь только один — найти во всем этом смысл и красоту и подчиниться великому замыслу.

Только потом по-настоящему начинается жизнь.»

Фильм «Generation П», 2011 год

- Виктор Пелевин. *Чапаев и Пустота*. М.: Вагриус.
- Виктор Пелевин. *Generation “П”*. М.: Вагриус.
- Виктор Пелевин. *Священная книга оборотня*. М.: Эксмо.
- Виктор Пелевин. *Empire “V”*. М.: Эксмо.
- Виктор Пелевин. *S.N.U.F.F.* М.: Эксмо.
- Дмитрий Быков «ПВО — аббревиатура моего имени». «ОГОНЁК», № 22, Май 2002
- Артемий Магун Постмодернистский апокалипсис Виктора Пелевина <https://syg.ma/stasis>
- Наташа Калининкова 90-е в романе Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» <https://syg.ma/@podsoulных/90-ie-v-romanie-viktora-pelievina-chaapaev-i-pustota>
- Чжан Шаопин “Пелевин VS Чехов: невидимые связи через десятилетия”. «Филологические науки. Научные доклады высшей школы» – 2017. № 4. – С. 81 – 88.